

У НАС В ГОСТЯХ БЕЛОРУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОЮЗ «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ» (С. 61 — 168)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА БЕЛОРУССИИ

Василий Миронов
(г. Бобруйск, Белоруссия)

ДЕД

Родился в 1958 году в городе Нижний Тагил Свердловской области. Поэт, прозаик, критик, публицист, сценарист, песенник, актер народного театра. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», секретарь Секции художественной прозы. Член Международного Союза Писателей «Новый Современник», член Российского союза профессиональных литераторов. Победитель более десятка международных литературных конкурсов и фестивалей, обладатель «Гран-при» Международного литературного конкурса «Автографы войны». Награжден благодарственным письмом от Заместителя председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам национальностей «за особые заслуги в деле развития традиций современной русской литературы, личный вклад в формирование нравственности, патриотизма, любви к России и ее истории». Снялся в ряде эпизодических ролей в художественных фильмах и сериалах. Автор четырех сборников поэзии, прозы и публицистики.

— Женечка, покорми деда,— Настасья Петровна, увидев просунувшуюся в дверь мордашку сына, кивнула на маленькую кастрюльку только что приготовленной овсяной каши.

Женька, так кстати подвернувшийся на кухне, чуть прихрамывая, приблизился к плите, бегло поиграл по эмалированным цветам на боку кастрюльки подушечками пальцев, словно музыкант по кнопкам саксофона — горячо!

Мама отозвалась уже из коридора:

— Скажи папе — я буду поздно сегодня.

Женя кивнул из кухни. Он помнил — у мамы сегодня премьера в театре, затем, наверное, поздравления, фуршет и все такое. В другие времена и Женька, взрослеющий парень на пороге переходного возраста, и его отец — профессор, необычайно

занятый в последнее время, еще находили время, чтобы обязательно присутствовать на всех главнейших моментах театральной жизни ведущей актрисы драматического театра Сухомлиновой Настасьи Петровны, их жены и мамы. А ныне многое поменялось. Только вчера отец, успешный и востребованный ученый, долгие годы работающий в области космических технологий, прилетел из далекого казахского Аркалыка, а уже в семь утра за ним пришла машина. Так что, вряд ли Женьке придется сообщать отцу, что мама придет поздно. Похоже, отец сегодня будет еще позже.

Женя вздохнул. Ему тоже надолго выйти из дома было сейчас невозможно — надо смотреть деда.

Мальчик налил в большую миску холодной воды и осторожно поставил в нее горячую кастрюльку с кашей, чтобы остудить в меру. Та качнулась, как подводная лодка, и стала на дно, выставив крышку с черной пластмассовой ручкой, похожей на перископ.

Женя внезапно представил, как в сорок втором военном году вот также на дне Балтики лежала израненная двести пятая «щука» капитана 3-го ранга Сухомлинова Петра Демьяновича — его деда. Много раз рассказывал дед о самом главном своем походе и много раз, затаив дыхание, Женька заморожено слушал эту военную историю, как в первый раз.

«Щ-205» уже возвращалась на базу после долгого, но сверхудачного похода. Потопив «Терзию Вальнер», крупный немецкий транспорт, и удачно выскользнув из клещей эсминца и сторожевых охотников сопровождения, подлодка Сухомлинова, потрепанная глубинными бомбами, но живая и почти невредимая, с полуразряженными батареями и двумя оставшимися торпедами в запасе, легла на обратный курс.

И надо ж было случиться такому везению, что попутно вышла «щука» в хвост еще на один немецкий транспорт — «Аркадию» и, надо сказать, была та цель куда заманчивее «Тельзии». Да, вот только догнать «Аркадию» под водой уже не представлялось возможным: не хватало ни сил, ни времени. Однако, и упускать такую добычу опытнейшему военному моряку тоже крайне не хотелось. И тогда капитан Сухомлинов принимает весьма рискованное, можно сказать — отчаянное решение и бросается в молниеносную двухторпедную атаку по открытой воде. Точный и неожиданный расчет капитана положил обе смертельные молнии точно в середину корпуса немецкого монстра.

А вот уйти дерзкой лодке без потерь на этот раз возможности уже практически не было. В результате чудовищных разрывов глубинных бомб были повреждены кормовые рули подлодки, сорвана задрайка люка шестого отсека. Вода полностью заполнила шестой отсек, залила главный электродвигатель, начала поступать в пятый отсек. Лодка легла на дно. Началась борьба за живучесть.

Лишь спустя двое суток, после того, как стих шум винтов немецких кораблей сопровождения, искалеченная лодка смогла всплыть.

За тот поход капитан 3-го ранга Сухомлинов Петр Демьянович впоследствии приколот на китель главную свою военную награду — Звезду Героя.

Дед изредка показывал ее внуку в хорошее настроение и Женька всегда с особым трепетом прикасался к холодному металлу пятиконечной звезды. Он очень любил деда и по-настоящему гордился им. Да и было за что. Эта привязанность была взаимной. Женька просто купался в любви и обожании своих родных. Порою, у отца, матери и деда возникали серьезные споры — кто из них сегодня удостоится чести приготовить что-нибудь особенно вкусное для своего сына и внука.

Можно было сказать, что Женька в их небольшом семейном кругу катался, как сыр в масле. Он никогда и ни в чем не нуждался. Все его прихоти и желания исполнялись, едва он успевал озвучивать их. Казалось бы — прямая дорога к расцвету

махрового эгоизма? Ан, нет. Женя рос умным, ранимым, впечатлительным, а главное — привязанным и благодарным ребенком.

Брак у Жениных родителей случился довольно поздним. У обоих с молодости на личную жизнь просто не оставалось никакого времени. И когда, стараясь успеть в последнюю дверь последнего вагона жизни, Настасья Петровна не стала больше откладывать в долгий ящик — куда, уж, дальше-то, и смело прорубила в плотной артистической карьере свободную брешь для рождения своего первого и, видимо, единственного ребенка, ей уже тогда было хорошо за сорок.

В высшей степени интеллигентнейшая семья ученых, военных, артистов Сухоминовых никогда не знала материального недостатка. Но, как оказалось — все это было не главное. Главное в семью пришло с рождением Женьки. Женька и был — это самое главное. С первых дней долгожданный мальчик окунулся в Любовь с большой буквы. Эта любовь была без границ. Эта любовь была без края.

А может быть, невероятная любовь близких — это была компенсация за те несчастья, что подстерегли Женьку с самого рождения? Практически, одновременно с ослепительной радостью от рождения сына в семью пришла и беда, уложившаяся в три такие короткие, но страшные буквы — ДЦП.

К счастью, Женя столкнулся с не самой агрессивной формой этой болезни. Да, Женя позже остальных начал держать голову, садиться, ползать, ходить... Но! Едва проявились первые грозные признаки страшной болезни, все родные подключились на борьбу с ней единым фронтом. На такое благое дело в ход пошли и деньги: мгновенно были приглашены лучшие педиатры, неврологи, ортопеды, логопеды, психологи, реабилитологи... Немедленно была разработана индивидуальная программа, которая включала в себя все последние достижения медикаментозного и реабилитационного плана. На санаторно-курортных леченьях Женя бывал чаще, чем дома. Для постоянного ухода и наблюдения за мальчиком в первые годы его жизни была нанята нянечка с функцией массажистки в одном лице, которой сразу была выделена отдельная комната с постоянным проживанием в их огромной пятикомнатной квартире.

Столь комплексное лечение дало плоды. Но сам Женька твердо считал, что спас его от тяжелых последствий болезни — дед, который прознал про совершенно удивительный метод лечения — иппотерапию. Петр Демьянович привел своего внука к своему хорошему знакомому, который всерьез занимался лошадьми. Тот познакомил мальчика с очень спокойным и ласковым жеребцом по кличке Дунай. Очень быстро Женька и добродушное животное стали самыми настоящими друзьями. В первое время дед старательно поддерживал внука при начальных прогулках по кругу, но вскоре мальчик почувствовал необходимый контроль над своими мышцами и стал вполне самостоятельно удерживать равновесие.

Он с удовольствием приобщился к уходу за своим другом — кормлению, чистке, прогулкам. Мальчик, наверное, впервые по-настоящему почувствовал свою значимость. Ушли депрессивные состояния, выровнялась речь, от спазм нижних конечностей осталась лишь легкая хромота.

Не случилось и интеллектуального расстройства. Наоборот — абстрактные знания и навыки логического мышления у мальчика формировались выше среднего.

Одно огорчало — это пропасть в отношениях со сверстниками. Женя отчетливо осознавал, что его незаурядный потенциал интеллекта, возвращенный на энциклопедиях, на индивидуальных дополнительных занятиях с лучшими репетиторами, на беседах с умнейшими людьми, входившими в этот дом на правах близких друзей родителей — намного превосходил уровень одноклассников и Женьке было просто неинтересно с ними.

При этом Женя почти физически ощущал окружающую его зависть. А завидовать

в конце нищих семидесятых было чему. Во времена стоимости джинсов у «фарцовщиков» на черном рынке, приближающейся к средней зарплате рабочего человека и остающихся несбыточной мечтой многих ребят, Женя менял эти джинсы с непозволительной небрежностью. И каждая новая модель, не купленная на «блошином» рынке, а легально привезенная из заграничных командировок, была только круче предыдущей.

Очень крепкой занозой в сердце мальчика застряла обида на своих одноклассников после одного очень неприятного случая. Наверное, все подростки проходят в эту пору взросления свой максимальный уровень увлечения музыкой. В эпоху официального замалчивания западной рок-культуры все «забугорные» музыкальные новости «откапывались» тяжело. Сначала записанная с хрипящих «вражеских» голосов по приемнику, а затем неоднократно переписанная с одного «бабинника» на другой, музыка западного рока уже просто сливалась в единый трудно узнаваемый шорох, либо наоборот — грохот и какофонию. Записанные в полуподвальных студиях гибкие пластинки на рентгеновских снимках — это было уже богатство.

А тут в школе Женя как-то заявил к слову, что у него дома есть большие пластинки практически всех последних новомодных западных групп. Причем, не советские диски от «Мелодии», а самые настоящие «фирменные», привезенные из-за границы. После такой новости в классе повисла долгая пауза восторга и удивления. И как самый убойный факт, Женя объявил, что только что папин товарищ привез из Англии последний диск-гигант самой группы «Битлз»! Когда первое всеобщее онемение прошло, кто-то спросил:

— А можно прийти послушать?

— Конечно! Приходите все, кто хочет, — растянулся Женя широкой улыбкой.

Захотели почти все, даже девочки. После уроков шумная ватага заспешила к нему в квартиру. Женя принял одноклассников радушно и сразу предложил всю свою фонотеку на выбор. Естественно, начали с тех самых «Битлз».

С девочками отношения у Жени более чем дружеские — никогда не складывались. Объективно осознавая неисправимую первопричину — хромоту, Женька и сам особо не стремился приблизиться к понравившейся девчонке на более близкое расстояние, чем обычное «привет-пока». А тут, вдруг, замороженные музыкой одноклассницы сами взглянули на него по-другому, более внимательно, что-ли. Кое-кто из них даже осмелились попросить некоторые диски взять себе домой послушать.

— Конечно. Могу дать любую. Только не «Битлз» — отец пообещал кому-то из своей ученой братии.

Когда Женя вернулся из кухни с печеньем для чая, он не обратил внимания на некий напряженный момент в их компании. Звучала великолепная «Лестница в небо» легендарной «Лед зеппелин», все слушали, но с какими-то неестественно каменными лицами. Поставив печенье на стол, Женька плюхнулся в свое кресло и тут раздался неприятный сухой треск ломающейся под ним пластинки. Женя подскочил и поднял небрежно брошенную кем-то газету на кресло. Под ней лежали черные бесформенные куски винила. Это был «Битлз»...

Наступила гробовая тишина. Все быстро и дружно засобирались домой. Взять с собой какую-либо пластинку уже никто не просил. Даже обычное «до свидания» тишину не нарушило.

С этого дня в отношениях с одноклассниками наступил негласный, но окончательный раскол. Они презирали его — он презирал их.

Несмотря на самый расцвет протуберантного возраста, когда у всех молодых людей завязывались первые отношения, у Женьки и на стороне от своего класса ни с кем из девочек также ничего не ладилось. Женька не то, чтобы совсем, уж, сильно

стеснялся своего прихрамывания, но сбрасывать этот минус целиком и полностью — никак не получалось. Да, к тому же, и не последнее развитие интеллекта парня автоматически дистанцировало от него девчонок, интерес которых ограничивался, лишь, последним модным писком новых юбок или слепым обожанием очередного кинематографического кумира из журнала «Советский экран».

Но однажды и тут произошел неожиданный сдвиг. На одной из передвижных галерей современных художников он познакомился с очень милой девочкой, которая просто протянула ему свой фотоаппарат и попросила «щелкнуть» ее у какой-то картины с очень странным сюжетом. А потом также просто протянула ему раскрытую ладонь:

— Галка.

— Женька...

И никакая хромота на сей раз не стала препятствовать их так странно зародившейся дружбе.

А деду, тем временем, становилось все хуже и хуже. С каждым днем он начал сдавать все заметнее. Когда дед перестал говорить, Женька понял, что лишился очень важного для себя — долгих и таких нужных ему ежедневных бесед с дедом о жизни. Женя по-прежнему продолжал делиться с дедом всеми своими новостями и проблемами, но вот получить какого-то мудрого совета, или просто услышать пару слов привычной поддержки от самого близкого человека — уже не мог. Дед научился звать Женьку очень странным способом — он просто вытягивал дрожащие губы трубочкой и все, кто это видел, немедленно подзывали к нему внука.

А позже случилось и самое неприятное — дед потерял рассудок. Он уже не мог нормально есть с ложки и, когда Женя кормил деда, тот неловко кривил губы и, будто придуриваясь, шумно разбрызгивал кашу или суп по сторонам. Иногда дед приходил в ясное сознание, но со временем приступы безумия затягивались на все более длинные периоды.

Однажды Женька очень торопился на ранее договоренную встречу с Галкой. Он пытался как можно быстрее покормить деда перед своим вынужденным уходом и сидел у его кровати с миской и ложкой, уже переодевшись в новый прекрасный костюм. Все шло, как обычно — Женя подавал ложку каши и дед спокойно проглатывал. Но, вдруг, так некстати, дед с совершенно глупым видом стал фыркать губами и, поворачивая голову из стороны в сторону, разбрызгивать кашу по новой Женькиной рубашке и костюму. У Женьки на секунду что-то замкнуло в голове и он молниеносно стукнул мокрой ложкой деда по лбу...

Удар получился не очень сильным, но вызвал шок у обоих. Женька сам остолбенел от неожиданности, а дед вдруг замер, как мумия, пристально всматриваясь в глаза внука. Это оцепенение продлилось несколько бесконечно долгих секунд и, наконец, Женя отчетливо увидел, как в покрасневших уголках старческих век сначала появились влажные капельки, а потом из неморгающих глаз деда покатались крупные слезы. Женя выскочил из дома. На встречу с Галкой он уже не пошел.

Много дней Женька терпеливо ждал очередного прояснения ума у деда, чтобы попросить прощения за свое содеянное в порыве секундного гнева, но дед, казалось, оставил свое разумение с этого момента надолго. Женя потерял покой и сон. Он часами просиживал у кровати деда, кормил его и все ждал хоть мимолетного прояснения в голове деда, чтобы покаяться. Однако, время шло, а деду становилось только хуже.

Женька изменился — из уверенного парня он словно превратился в постоянно молчащую побитую собаку. Совесть сжигала его дотла. Он мучился и продолжал надеяться, что минута очищения все же наступит.

Однажды вечером Женьку встретила мама и сразу с порога воскликнула, что сегодня днем дед приходил в себя, смотрел на родных совершенно чистыми глазами и часто, как умел, с усилием складывал губы трубочкой. Это означало только одно — он звал внука.

Женька, не разуваясь, кинулся в спальню деда, схватил того за руку:

— Деда, деда-а...— долго шептал Женька, как когда-то в детстве, приходя к тому за лаской или гарантированной поддержкой,— деда-а-а...

Он долго тербил и гладил старческую шершавую ладонь, так похожую на давно высохшую и растрескавшуюся землю.

Ничего не случилось. Дед не открыл глаз, не пошевелился, его губы не пытались сделать ни малейшего движения.

Женька вышел из спальни, совершенно бесцельно прошелся по коридорам большой квартиры, неожиданно остановился перед своим старым футбольным мячом и вдруг резко со всей силы нанес по нему сокрушительный удар! Послышался грохот рассыпающегося кусками огромного зеркала. В последний раз в осколках зеркальных брызг отразилось перекошенное диким отчаянием бледное лицо Женьки.

Ночью деда не стало.

Виктория Александрова
(г. Минск, Белоруссия)

**«ЧУДИЩЕ ОБЛО, ОЗОРНО,
ОГРОМНО, СТОЗЕВНО...»**

Поликарпова Лариса Станиславовна (творческий псевдоним — Виктория Александрова) родилась и выросла в г. Минске. Образование высшее. С 1998 г. работает преподавателем в Белорусском государственном педагогическом университете им. М. Танка. С 2010 г. — член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Пишет стихи и прозу. Автор нескольких коллективных сборников и альманахов.

Сто зубастых пастей, сто пар сияющих черным огнем глаз, сто изогнутых позмеиному шей, покрытых золотой чешуей... Великолепное зрелище! Прямо-таки подавляющее некоей смертоносной красотой!

Он любовался своим чудесным отражением в отполированном годами куске обсидиана, поворачиваясь то правым, то левым боком, приподнимаясь на задние лапы и время от времени расправляя пестрые крылья.

Жаль, что его не видит Великий Пра-пра... Ему было бы чем гордиться! Дракон еще раз с удовольствием оглядел себя и вновь заключил, что он — достойный продолжатель достойного рода. Ему подобные — нынче большая редкость. А ведь когда-то они превосходили своей многочисленностью всех прочих созданий. Правя и в небе, и на земле, они не имели себе равных.

Это значительно позже, гонимые драконьей чумой, преследованиями размножившихся человеческих существ и прочими бедствиями, предки вынуждены были искать убежища в глубине скалистых гор, постепенно теряя власть и силу. Что ж, такова судьба, и никто не в силах ей противостоять.

Дракон с шумом вдохнул теплый воздух. Здесь, по крайней мере, всегда было уютно и безопасно. Высокие стены, покрытые светящейся слизью и зеленоватыми грибами, уходили отвесно вверх, теряясь где-то во мраке. Там, где потолок опускался ниже, словно выточенные умелой рукой (или лапой) безвестного скульптора, свисали сталактиты. Им было много лет, очень много. Дракон помнил их еще совсем крошечными, и они росли вместе. Сейчас некоторые из них походили на гигантские колонны, соединившись со своими братьями, растущими снизу — сталагмитами. Всевозможных оттенков, начиная от молочно-кремового и заканчивая шоколадным, эти подземные композиции служили самым примечательным украшением его жилища. Хотя не менее прекрасным был водопад. Он прыгал с высокого выступа дальней стены, разбиваясь на тысячи мелких хрустальных осколков, распадаясь шикарным веером брызг. И когда дракон становился под ним и выдыхал пламя, водопад превращался в настоящий фейерверк. Шипя и сверкая, капли разлетались во все стороны, окатывая паром его блестящую шкуру.

Но если быть до конца откровенным, несмотря на жизнь, прожитую под землей,

ему часто снилось небо. Оно манило со страшной силой, тая в себе неисчислимое множество загадок. Полное то летних грозových облаков, то сияющих звезд, то черное, то пурпурное, то бирюзовое, точно сапфиры, сложенные в дальнем углу пещеры, оно казалось дракону самой желанной наградой. И он давно уже решил сам для себя, что однажды презреет опасности, подстерегающие снаружи, и осуществит свою мечту, подобно далеким предкам, возносившимся к самым звездам.

Дракон вновь подумал о Великом Пра-пра. Состарившись, тот все меньше летал и все больше сидел в пещере, вспоминая былые подвиги. Он любил рассказывать о том, как выходил на смертельный бой с человеческими воинами, именовавшими себя рыцарями. По его словам, они составляли основную драконью диету. «Помни, малыш,— скрипел знаменитый предок,— нет ничего вкуснее и полезнее для здоровья, чем молодой рыцарь, запеченный в собственных доспехах».

Пыхнув пламенем из всех пастьев одновременно — просто так, чтоб не терять шноровки — дракон направился в трапезную — самую большую залу в пещере. Там его дожидался знатный ужин — пойманный и зажаренный живьем Зверь неизвестной породы. Этим созданий, огромных, с длиннющими хвостами, неисчислимое количество водилось в подземных галереях, но поймать их было весьма и весьма непросто. Приходилось изрядно побегать по каменным лабиринтам, прежде чем изловить подобную дичь, отличавшуюся не только проворством и свирепостью, но еще и изрядной долей хитрости. Так что дракон мог на полном основании гордиться собой.

Улегшись в удобную ложбинку, протертую в камне множеством драконьих тел за множество веков, он с урчаньем подтянул к себе добычу. Как сладко она пахла! Зубы сами вонзились в сочное мясо.

И тут... Чей-то громкий и гнусный голос снаружи нарушил привычное течение трапезы. Это был, действительно, весьма неприятный голос и принадлежал он, судя по всему, человеку — наверняка, какому-нибудь рыцарю. Дракон никогда прежде не встречал рыцарей, хотя был немало наслышан о них, главным образом, об их гастрономических свойствах.

— Эй, ты, чудище безобразное, выходи! Биться будем!

Дракон заворчал. Начинать с оскорблений, даже не познакомившись толком, — как это по-человечески! Разумные, высокоразвитые существа никогда не позволят себе подобного. Но отрываться от дивно прожаренного куска совершенно не хотелось.

— Ты, трусливая, глупая тварь! Покажись! — надрывался между тем рыцарь, — Я щекечку твою шкуру!

«Твое счастье, что ты застал меня за ужином, консерва ходячая,— пробормотал дракон.— Я бы переломал тебе позвоночник прямо сейчас. А так поживи еще немного. Пока я доем».

В стену пещеры заколотили чем-то железным — возможно, мечом или топором. А может, это рыцарь бился головой от отчаянья, видя, что вызов его остается без ответа?

«Надоел он мне, доставучий человечешко! Что ж ему так умереть-то нейдет?!» И все же бросить ужин недоеденным, тем более, добытый с таким трудом, казалось чистым кощунством. Дракон запустил зубы еще глубже, стараясь не слушать бесчинствующего снаружи рыцаря.

А тот орал уже во всю глотку:

— Трус! Трус! Выходи же! Сразимся!

Пра-пра никогда не говорил о подобной вопиющей грубости и настырности человеческих существ. И дракон чувствовал, как под столь наглým напором налет цивилизованности и благодушия постепенно сползает с его золотистой шкуры. Он начинал звереть. Откусить ему голову. Просто выйти и откусить ему голову, без прелюдий.

— Ах, так?! Не хочешь выползть по-хорошему?! Подожди же!

У входа в пещеру затеялась какая-то возня. Она раздражала еще больше, чем крики. Последние куски, проглоченные почти не разжеванными, застредали в каждом горле из сотни. Ужин был безнадежно испорчен.

И когда в пещеру потянулся густой дым — явно от костра, разведенного этим недоумком, дракон находился в последней стадии раздражения.

Вытянув все сто шей, шелкая зубами от бешенства и молотя хвостом, он кинулся к обидчику, намереваясь разорвать его на части. Дым, разъедающий глаза, добавлял ему ярости, и когда дракон вырвался на поверхность, в мозгу его сохранилось единственное желание — убивать!

Дальше... Дальше последовала немая сцена, достойная лучших театральных подмостков. Дракон и рыцарь замерли и уставились друг на друга, пораженные до глубины души. Причем первый смотрел на второго снизу вверх, а второй — напротив, сверху вниз, ибо выбравшееся из пещеры существо, кашляющее и спотыкающееся в клубах дыма, оказалось едва ли выше рыцарской щиколотки.

Рыцарь — на котором, кстати, почему-то вовсе не оказалось хваленых доспехов — взирал на сие недоразумение, наверное, с минуту, а потом с диким хохотом повалился в траву. Существо с не менее диким шипением кинулось ему на грудь, явно намереваясь добить. Но вскоре шипение перешло в такой же отчаянный хохот, и оба покатались по склону, молотя друг друга руками, лапами и крыльями, уже, скорее, в шутку, чем по-настоящему. Ведь дракон был, по сути своей, созданием незлобивым и не умел долго сердиться.

Леонид Пулькин
(г. Речица, Белоруссия)

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

В основном, вторая половина XX века

Пулькин Леонид Андреевич. Родился 15 июля 1955 года в Гомеле. Окончил Гомельский государственный университет по специальности «русский язык и литература». Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» с 1999 года. Председатель Речицкого отделения. Работает руководителем литературно-краеведческих кружков. Публикации: самиздатовский альманах «Мистерии», Речица — Ленинград, 1980 г., «Западная Двина» (№ 2, 2004 г.) — повесть «Разведчик без миссии», коллективный сборник «Свет в конце тоннеля». Газеты: «Новый ресурс», «Грани культуры», «Вестник культуры», «Дняпровец», «Стержень».

1

В колхоз приехали за картошкой.

Теща побежала оформлять бумаги. Мы с Федором Ивановичем прогуливаемся по деревне и он меня в очередной раз, спрашивает:

— Когда же мы с тобой, зятек, на рыбалку поедем? Тебе хоть бы одну рыбку поймать.

Ради одной рыбки день с удочкой на берегу торчать? Только нервы расшатывать. Не понимаю я этого удовольствия.

— Когда-нибудь, Федор Иванович.

— Да-да,— неопределенно кивает головой теть.

Сворачиваем в проулочек. Покосившиеся домики, утки в луже. Опавшие листья шуршат под ногами, шелестят на деревьях желтыми пятнышками в синее небо.

С моим появлением в их доме Федор Иванович стал реже смотреть телевизор. Телевизор в нашей с женой комнате, да и что там смотреть? Новости? Лежа у себя в постели о чем-то глубокомысленном думает. Обычно, когда я прихожу с работы, собирается на прогулку. Двухкомнатная квартира...

Маленький, с палочкой, напоминает хромого вороненка. Бывает ночью энергия на него находит: проверяет, почему дверь скрипит; что-то ищет в шуфлятках; сухари начинает сушить. Утром от Тамары Владимировны достается ему на баранки за ночные похождения. Он в ответ лопочет всякую тарабарщину. Когда волнуется, делает какие-то несурзные вещи: ест прямо из кастрюли черпаком и ходит из комнаты в комнату. Случайно как-то разбил люстру — вот тут-то теща готова была его съесть. Федор Иванович разволновался, расстроился, начал зачем-то раздеваться и даже снял трусы.

— Вот, Витя, мы с тобой и по деревне прогулялись. Пойдем к реке.

— Пойдемте.

За огородами Днепр. Посмотрели на реку — возвращаемся обратно. Навстречу идут женщины, в фуфайках, в сапогах. Здравуемся с ними. Они отвечают нам.

Федор Иванович качает головой: не богатая деревушка.

— Хотя я, Витя, и в плену был, а порядок немецкий мне нравился».

— Как!? Вы в плену были?

— В Германии.

— Как это вышло?

— Собрали нас, девушек и ребят, зачитали, что родители сбежавших будут расстреляны. Это перед отправлением. Повезли на вокзал, все это было вечером, погрузили. Повезли в сторону Калинковичей. Потом обратно, чтобы партизан сбить со следа. Утром были в Гомеле. Вечером дали каждому кусок хлеба и кружку воды. Ночью состав тронулся. Мы уже знали, что везут в Германию. Заснуть было невозможно. Пол грязный. Из щелей дуло. Тоска. Холод. На границе с Польшей немцы стреляли. Ругались. Кто-то сбежал.

Германия встретила рабсилу маршем. Распределение началось прямо на вокзале.

— 1919 год, шаг вперед!

— 1920-ый!

— Двадцать первый.

— Двадцать второй.

— Двадцать третий.— Вышли высокие коренастые ребята.

— Эге,— подумал Федор,— я с ними не потяну. Чай не малину есть будем.

Он вышел с ребятами помладше. Их начали распределять. Погрузка в машины. Повезли. Животы подвело, кружилась голова. Тошнило. Привезли в небольшой чистенький городок. Отвели в управление.

— Кто говорит на немецком?— спросила женщина в военной форме.

— Я,— будь, что будет, решил Федор.

Женщина оценивающе посмотрела на него.

— Пахать умеешь?

— Умею.— Соврал Федор.

Она еще раз недоверчиво взглянула на него. Пощупала мускулы. Спросила имя. Затем переговорила с офицером. Взяла его за руку и вывела из здания. Подвела к грузовой машине, жестом велела забраться в кузов. За рулем тоже сидела женщина. Выехали за город. Аккуратненькие поля, деревья, даже облака какие-то упорядоченные.

— Веришь, Витя, я в плену, не к теще на блины еду, а душа радуется, кругом порядок вижу. Цистерны с навозом, о которых нам еще в школе рассказывали. Ничего не пропадает, все используют. У них тогда у крестьян было то, чего у нас в колхозах не было.

— Ну да, у них и сейчас этого добра много. А у нас пропадает.

— Привезли меня и сразу в поле. Хоть бы корку хлеба дали.

За плугом шел высокий человек с белой бородой. Около дороги наши работали, военнопленные. Немецкие солдаты, отложив автоматы, перебрасывались в карты.

— Покажи, как ты умеешь пахать,— старик отошел в сторону.

Назвался груздем, полезай в кузов. Федька потянул вожжи.

— Но!

Намучился. Лошадь не слушалась. К обеду что-то начало получаться. Обедали вместе с хозяевами. То же, что и они. После обеда опять в поле. Вечером покормить скотину. Молодая немка показала, как это делается. Федя так рьяно взялся за дело, что ободрал пальцы, неудачно прокатив коляску в дверь.

В десять всех работников привели в дом с зарешеченными окнами. Староста спросил:

— Все?
— Все здесь,— ответили ему.
Закрыв дверь. Звякнул замок.
— Иди сюда.— Приказал один из мужчин. Федя подошел. Тот вдруг злым движением схватил за грудки.
— Ты что? — растерялся Федор.
Мужчина посмотрел ему в глаза, подержал немного и отпустил.
— Ничего, хлопчик. Ты откуда?
— Из Речицы.
— Это где?
— В Белоруссии.
— Устал, поди?
— Да.
— Вон твоя кровать.
Белобородый дед положил руку на плечо парнишке.
— Повезло тебе. Здесь нам еще повезло.
Федя будто провалился в сон. Будили с петухами. Работа до изнеможения. Ослаб. Не выдержал. Слег.
— Сможешь работать? — Хозяин выразительно посмотрел на него.
— Сможешь работать?! — Вместе обедали, как равные, и праздники их отмечали, и хозяин Гитлера за столом ругал.
— Ты сможешь работать, Теодор?! — Мальчишка кивнул головой. Иначе отправят на шахты. А там — конец.
Советские войска приближались к Берлину. Газета для русских пленных «Труд» сообщает об оставленных городах и имена погибших. Чем дальше, тем больше убитых, больше крестиков. Крестики, крестики, сплошные в газете крестики! Появились беженцы из Венгрии. Хозяева думали остаться, но, увидев «Катюши» в действии, переменяли решение. Пострашнее американской авиации, застывшей небо от горизонта до горизонта, были наши «Катюши».
Хозяева погрузили в телегу самое необходимое и в спешке выехали. Федя поплелся было за ними, но потом до него дошло: «Что я им».
Я так и вижу его карие глаза, непонимающие, что происходит в жизни.
— Я дальше не пойду.
— Счастливо, Теодор.
— Ауфидерзейн.
Оставшиеся в деревне немцы заискивающе улыбались и жестом предлагали:
— Бей птицу, Теодор. Ешь.
Канонада все ближе и ближе. Некоторые пленники бежали за линию фронта. Одни удачно. Других поймали. Расстреляли.
— Теодор, ты же скажешь своим, как мы обращались с вами?
— Скажу, как было.
Артиллерийские взрывы все ближе и ближе. С семьей из соседнего дома спрятались в погреб. Хозяин, его жена, дети. Все молчали. Вышел из погреба посмотреть, что происходит в деревне. За углом сарая, за скирдой сена, увидел двух притаившихся немецких солдат. И вдруг скирду и солдат разнесло взрывом.
Спустившись в низ, рассказал, что видел. Ушел в свой угол. Каждый думал о своем.
Через час затихло.
— Иди к своим, Теодор,— подал голос хозяин. Федор вышел. Оглянулся. Пустынно. Пошел к управе, а там увидел своих. Прислонившись к пушке, отдыхали солдаты. Изнуренные и равнодушные после боя.

— Здравствуйте.— Федор почувствовал, что никому нет до него дела.

— Здравствуй.

— Я из Речицы.

Никто не посмотрел в его сторону. Помялся немного, вернулся в погреб.

— Что там? Что сказали тебе?

— Ничего.

Вскоре дверь открыл посыльный.

— Кто из Речицы?

— Я.

— А где эта, Речица?

— В Белоруссии.

— Идем.

Дали обмундирование, маленько подучили и бросили в бой.

Ему повезло опять. Ранило в ногу. Не убило. На войне привыкаешь к смерти. От осколков закрываешься телом погибшего.

Девятого мая лежал в госпитале. Победа. Конец войне.

Вскоре на смену советскому персоналу в санчасть пришли немки. Они добросовестно взялись за работу: непрерывно чистили, стирали, мыли. Привели здание и палаты в идеальный порядок.

— Мне таким хлеб, Витя, никогда уже не есть, каким они готовили.

Тамара Владимировна, пока мы бродили по деревне, выписала картошку и уже искала нас. Издалека замахала руками и сразу набросилась на Федора Ивановича.

— Гультайничаете целыми днями. В соседнюю деревню ехать надо. Дают там, а выписывают здесь. Ты сколько мешков взял?

Всю дорогу пилила тестя, тот оправдывался:

— Я ж думал, мы сто килограмм выпишем.

Разнервничался.

— Пряник можно съесть?

Ест. Крошки на подбородке и на пиджаке. Рот набит разжеванным пряником, закусывает яблоком.

В соседней деревне надо ждать кладовщика.

Федор Иванович немного успокоился.

— Ну, что Витя? Рассказывать дальше?

— Рассказывайте.

После госпиталя Федора Ивановича отправили служить в комендатуру в небольшом немецком городке. Вокруг пустовали поместья и дома. Кто что отправлял домой. Начальство — вагонами, солдаты — посылочками.

Здесь Федор почувствовал некоторую свободу. Ходил по городу. Собирал брошенные велосипеды. Немцы, заметив это, сами привозили ничейные велосипеды.

Приглашали к себе, спорили.

— Война не кончена,— говорили ему.— Будет вторая война. С вами, русскими.

— Будет,— подтверждал Федор,— но война дипломатическая.

На следующий день один из спорщиков окликнул его:

— Гут морген, Теодор.

Безотчетное возмущение колыхнулось в душе. Прошел мимо, не ответил на приветствие.

После демобилизации вернулся в Речицу. Старшая сестра была расстреляна как партизанка. В живых остались два брата. Отец умер. Мачеха поселила Федора у себя. Сторожил садик. Хотел пойти в военизированную охрану, ему отказали — был в плену.

— Ну, так если в плену был — мне доверия нет? — Спросил он в отделе кадров.

— Нет.

Работал на «Мебельном». Женился, но жена через два дня сбежала в деревню. Таким образом желая его туда заманить. Красивая была женщина, но в деревню Федор не пошел.

Вторым браком женился на Тамаре Владимировне. Она тогда худенькая была.

Федор Иванович числился в передовиках: норму выполнял, непьющий, покладистый, в хоре поет.

Купит с полочки конфет и ребят со всей улицы угощает. Федор Иванович любил поговорить и даже поспорить. Впрочем, Федор Иванович принимает любое мнение. Жизнь научила? Сколько бы ни было спорящих, он со всеми согласен. Любит говорить к месту и не к месту цитатами из классиков. В гостях ли, дома, он один создает шум застолья, «гологонит», как выражается теща.

2

Выходной. Утро.

— Ну что, Виктор, поедем куда-нибудь?

— Можно. А куда поедем?

— А куда хочешь? Хочешь в лес?

— Давайте.

Погода в ноябре в том году держалась с легким морозцем, но солнечная.

Тесть включает печку — в салоне становится теплее. Прогревает мотор.

— Поехали?

— Поехали!

На выезде из города кто-то поднял руку. Тесть притормаживает, к нам подбегает человек, открывает дверцу.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Подвезете, Федор Иванович?

— А вам куда?

— В Салтановку.

— Садитесь.

Плоское лицо, тупая челюсть, узкие губы, маленькие зрачки глаз из-под очков. В голосе этого человека какие-то бабские интонации.

Федор Иванович интересуется:

— Ну, как у вас дела?

— Шельмуют гады.

— Да-да, — кивает тесть.

— Если б не это дело, я б не поверил, что у нас такое возможно. Я их, сволочей, посажу. Эта собака, председатель, вы знаете кто, шантажировал меня! Меня отстранили от работы!

— Что вы говорите?

— Да, я уже полгода не работаю!

— И что?

— Ничего. Я же иду по первой категории. Это директора-а-а, партийные рабо-о-о-тники!.. Мне ничего они не сделают. Я подал заявление этим негодям! Говорят, где угодно, только не здесь. Но я имею право работать, хотя бы простым трудягой?! Нет, не берут! Прямое нарушение Конституции. Как хотят используют Конституцию. Вы не читали «Правду» за 13 мая? Нет? Прочтите. Точно такая история. Это четвер-

тая страница и еще за тридцатое июня две статьи, и в них, понимаете ли, та же ситуация. Они сделали собрание и заставили всех выступить против меня. Выступали против меня, но правда на моей стороне. Ставился вопрос об исключении меня из партии!

Солнце спряталось за облаком. Кусты, деревья, мостик, лес.

— Правда на моей стороне,— горячился наш попутчик,— и большинство за меня проголосовало. А эти собаки вlepили мне выговор! За что? И я, главное, об этом не знал. А без меня они не имеют права это делать!

Деревушка. Бабушка с ведром идет к колодцу.

— А через голову нельзя?

— Нельзя. По инстанции. Сначала жалобу должны рассмотреть у нас. Потом в области. Затем я имею право послать ее в Минск, а после Минска в Москву. А так мне скажут: «В Минске рассмотрели вашу жалобу? Нет? И даже говорить не захотят».

— Скажите,— обратился я к нему,— если не секрет, что у вас случилось?

Смотрит недоуменно на меня.

— Воровство. Я работал ветеринаром на племзаводе союзного назначения. А там воровали. Воровали и при старом директоре, и при новом. Многие уже поувольнялись, кого-то посадить надо было. Я и написал заявление прокурору. Собрал факты и написал. Я работал 15 лет на этом заводе, а меня уволили без всяких объяснений и сейчас рогатки ставят. Она очень высокий работник, вы должны ее знать...

— Не знаю.

— Ну да я имя говорить не буду, очень большой пост занимает. Она мне сказала: «Ты знаешь против кого выступаешь? Ты против советской власти выступаешь!»

Правдолюб держит торжественную паузу.

— Приезжают, сами знаете кто, берут мяса сколько им угодно. Так на чьей стороне они будут? Они и защищают директора.

Мы въезжаем в Салтановку.

Убранные огороды, недокрашенные заборы. Женщины у магазина на крыльце. Высаживаем попутчика. Он с кем-то здоровается. Ему не отвечают.

Едем дальше, как говорится, куда глаза глядят. Проехали деревню. Переезд. В салоне «запорожца» стало тише.

— Досталось ему.

— Да,— с каким-то озабоченным видом кивает головой Федор Иванович,— нужно было лизнуть, а он гавкнул.

Еще одна деревенька. Гуси в пруду. Мужики у магазина — пиво привезли. На окраине заводские корпуса.

— Откуда здесь? — спрашиваю.

— Газоперерабатывающий завод. Здесь кругом лес был, до войны. Каждому была дана норма... — договаривать Федор Иванович не стал.

— Деревня после войны много изменилась?

— Нет, такая же.

Леонид Волков
(г. Полоцк, Белоруссия)

БЕССЛАВНО ПОГРЕБЕННЫЕ (ВЫРУЧАЙТЕ, МИЛЫЕ!)

Родился в 1956 году в д. Заболотье Сольвычегодского с/с Котласского района Архангельской области. В 2001 году стал членом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Автор двух книг прозы, более десятка коллективных сборников и альманахов поэзии, прозы, изданных в Беларуси, России, Украине. Лауреат и дипломант ряда региональных, российских и международных фестивалей.

Крещенские морозы были крепки и жгучи, то и дело потрескивали в деревянных углах пригорода военного Полоцка 1942 года. Иной раз так трещало, что невозможно было понять, мороз это или одиночные винтовочные выстрелы. Мирные жители топили печи чем могли, поддерживая плюсовую температуру своих жилищ. Иногда старики в разговоре сетовали на лютый мороз да вспоминали советских бойцов, которым нелегко приходилось на фронтах большой России, Украины и Белоруссии. Более разговорчивые женщины исподтишка передавали друг дружке неизвестно откуда просочившуюся весть о том, что дали немцу по шее под Москвой так, что еле-еле ноги унес в обратном направлении. Хоть и говорили бабоньки об этом шепотом, а в глазах была радость да думка о том, что уже недолго осталось терпеть эту войну. Жителям Лозовки было известно, кто так их обрадовал. Однажды во время конвоирования в Спасс-городок очередной партии военнопленных один солдат выкрикнул стоящим вдоль дороги жителям города о том, что прижали хвост Гитлеру у стен столицы. За эти слова пленный расплатился жизнью, оставшись лежать на заваленной снегом обочине с прошитым насквозь молодым телом. «Шмайсер» конвоира, как показалось народу, долгое время плевался раскаленными пулями, пытаясь заставить замолчать солдата. В завершение фашист пнул уже бездыханное тело пленного, выругавшись при этом по-своему.

Подружкам Надежде Вороновой и Вере Макрецкой было по тринадцать лет, и они так же, как и взрослые, не могли привыкнуть к ужасам войны. Время заставило их смотреть на то, как очень часто разгружались эшелоны с советскими, пленными где-то на дорогах войны, солдатами. Девочки жили рядом с железной дорогой и совсем недалеко от их дома происходила разгрузка измученных, истерзанных воинов Красной Армии. Некоторых тут же у насыпи немцы приговаривали к смерти, избавляясь от лишней волокиты.

В то раннее утро, дыша в прижатые к лицу ладони, прикрытые рваными варежками, девочки опять стояли возле дороги, по которой вели очередную партию военнопленных. Надя держала подмышкой завернутые в тряпицу серого цвета пяток вареных картофелин, выбирая удобный момент передать кому-нибудь. Страх быть побитой конвоирами заставлял осторожничать, ибо девочки насмотрелись уже всякого, да и голодные взгляды истощившихся пленных парализовали так, что очень долго потом приходилось приводить нервы в порядок. Заметив приближающегося с боку колонны конвоира с собакой, девочки отошли подальше. Но через какое-то время их окликнули.

— Девочки, детки мои, подойдите поближе.— Надя и Вера переглянулись и, не сговариваясь, приблизились к говорившему, которого вели под руки двое других военнопленных.

— Верочка, я тебя узнал. Я из Светличич, с отцом твоим дружили. Выручайте, милые, бегите в деревню, скажите моей Марии — может быть, успеет завтра забрать меня из плена еще живым. Зачем я немцам такой нужен: иду и падаю. Отдадут меня жене, они отдадут иногда.

Надя, глядя на то, как измучен солдат, сунула ему за пазуху разорванной шинели сверток и успела при этом заглянуть в глаза. Она увидела там все: разочарование, безнадежность и стыд, страх, ненависть и унижение, а главное — пронизывающую насквозь боль, которая сразу пригвоздила к земле, сковала, сжала все хрупкое детское тело. Колонна прошла мимо, а Надя все стояла столбом, будто примерзла к обочине. Вера толкнула ее в бок:

— Что, подружка, делать будем? У меня валенки дырявые, пятки со снегом целуются, да и у тебя не лучше.

Надя молчала.

— Может быть, зайдем домой, намотаем побольше портянок на ноги, валенки-то большие, мамины. А там и побежим,— прострекотала Вера.

Надя пришла в себя.

— Если зайдем домой, то нас не пустят. До той деревни километров двадцать, а то и больше будет, да и дороги нет, наверное. Ладно, нечего тут раздумывать, хоть одного спасем, и то победа будет ближе. Побежали.

Девочки, взявшись за руки, прытко ринулись в сторону Светличич. Минут двадцать бежали легко, потом по мере удаления от города сбавили темп, поскольку дорога сузилась, перешла в санный след. Уже через час дети шли, проваливаясь по колено в снег. По всему было видно, что на лошадях в сторону Полоцка дня три никто не ездил. Надя остановилась, поправляя сбившийся на лоб платок, спросила Веру:

— Верка, а если немцы попадутся, что скажем?

— Да чего им здесь прозябать среди леса и снега, у них и в городе дел хватает. А если и попадутся, скажем, что в деревню идем за картошкой, ведь у меня там тетка живет.

— Ладно, успокоила. Давай передохнем немного, да снег из валенок выгребем.

Девочки, поочередно поддерживая под руки друг дружку, перемотали портянки и снова двинулись в путь.

— А как мы найдем ту тетю Марию? — спросила Надя.

— Да знаю я, где она живет. Сундуковы, вроде, их фамилия. У людей спросим.

Не успела Вера сказать эти слова, как метрах в ста от них разорвался снаряд, со свистом пролетев над головами. Подруги остановились, не зная, что бы это значило. Когда разорвался второй, но уже гораздо ближе, дети бросились на снег. Разгоряченные быстрой ходьбой тела прошиб озноб то ли от страха, то ли от холодного снега. Глаза испуганно смотрели на оседающую снежную пыль. Третий снаряд разорвался метров за триста впереди от девочек.

— Ой, Верка, что это? Куда нам теперь — вперед или назад? Чего это по нам бьют, заметили, что ли?

— Не знаю, Надя, полежим еще немного, потом решим, что делать.

Еще добрых десять минут девочки маскировались в холодном снегу. И когда уже стали коченеть, Вера сказала:

— Немцы, наверно, для острастки палили. Может быть, тут какие-нибудь партизаны есть? Вот бы их найти, пусть бы пошли с боем, выручили всех пленных.

— Верка, Верка, что ты говоришь! Сколько тех партизан будет — горстка, а фашистов в сто раз больше. Пошли вперед,— решительно сказала Надя.

...Озябшие и измученные девочки пришли в дом Марии на исходе короткого январского дня. В избе было тепло, но лампы еще не зажигали, и поэтому не сразу Вера узнала тетю Марию, сидящую за столом с двумя детьми и матерью-старушкой.

— Здравствуйте,— сказала Мария.— Откуда вы такие будете?

— Ой, тетка Мария, это я — Вера Макрецкая с подружкой Надей. Из Полоцка пришли к вам. Сегодня среди пленных вашего мужа видели. Он попросил, чтобы вы забрали его завтра.

Мария хотела что-то сказать, но это ей удалось не сразу.

— Какой он, как выглядит? Не ранен? — тревожно встала со скамейки женщина.

— Знаете, тетка Мария, совсем плох. Два товарища вели под руки, еле ноги переставлял.

Мария заходила по избе, не зная за что схватиться и что предпринять. Потом спохватилась:

— Да что же это я, совсем голову потеряла... Садитесь к столу, поешьте картошки с кислой капустой. Тут еще и хлебушек остался. Ешьте, ешьте, а я сбегаю, спрошу насчет коня.

Съев по несколько картофелин с хлебом и капустой, дети, разомлев от тепла, прислонили головы к столу. Бабушка, заметив это, погнала их на русскую печь.

— Полезайте, ложитесь на тулуп и спите до утра.

Ночью Надя видела сон. Как они приехали в Спасс-городок, как комендант лагеря вывел им Василия Сундукова и на ломаном русском языке сказал: «Не воевайте против великой Германии», а Василий подмигнул Наде, усаживаясь в сани, мол, ничего, вот окрепну, так еще до Берлина дойду. Вот на этом самом месте и разбудила девочек тетка Мария, не дав Наде досмотреть сон. Сунув в руки по краюхе хлеба, сказала:

— Поехали быстрее, лошадь раздобыла.

До лагеря доехали часа за два. То, что увидели дети, их ужаснуло. Тысячи пленных советских солдат стояли под открытым небом. Десятки, а может и сотни трупов были свалены в кучу около забора из колючей проволоки. Мария пошла к воротам и долго о чем-то говорила с часовыми. Потом она стала выкрикивать в толпу военнопленных фамилию своего мужа. Кричала долго, со слезами на глазах.

— Васенька, где ты? Отзовись! Василий Сундуков, откликнись!

Ей никто не отвечал.

— Умер, баба, твой муж. Сегодня ночью умер от мороза и побоев,— сказал, пробившись сквозь толпу к колючке, седой солдат. Отвези домой, хоть похоронишь по-человечески. Да и нас сразу помяни, доживаем последние дни.— Замолчал солдат, потом заговорил опять дрогнувшим голосом.— Ты-то хоть мертвого нашла, а мы без вести пропавшие да бесславно погребенные для своих жен будем. Помяни нас всех, матушка, да свечку зажги, если есть, а нет, так и лучинка сойдет. Да молитву не забудь прочитать — все легче на том свете будет. Сейчас мы тебе его погрузим на сани.

Окоченевшее скрюченное тело, которое было уже без шинели, пленные вынесли к воротам и под присмотром часовых аккуратно, словно боясь разбудить, положили на сани. Девочки видели слезы на глазах Марии, которая не могла произнести ни слова. Они попытались усадить ее в сани, но Мария замотала головой:

— Пойду рядом, пока город, а там уже вместе с ним поедем.

Натянув вожжи, она понукнула лошадь, и та пошла тихим шагом, Вера и Надя следом за ними. Молчаливое шествие до района Лозовки длилось несколько минут. Поравнявшись с домом, Вера и Надя стали прощаться:

— До свидания, тетка Мария. Извините, что так получилось.

Мария обняла обеих.

— Спасибо вам, милые мои, большое.— Потом, помолчав, добавила: — Мой-то Васенька хоть в свою землю ляжет, а остальные-то солдатушки, остальные...

Нина Высокова-Мордвинцева
(г. Полоцк, Белоруссия)

ЛЮБОВЬ МОРЯКА ОДНА

Окончила художественно-графический институт в С.-Петербурге. Участник нескольких международных пленэров. Проза публиковалась в коллективных сборниках, в местных СМИ. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

В порт ворвался ветер. Душное лето, без дождей, чаще всего царствует на берегах Азовского моря. Ветер в такое время года — на радость людям. Они осмысливают его как животворящего спасителя. Разнести звуки голосов подальше от тех мест, где они звучали — его стихия. И вот секрет человека раскрыт... А он, шальной и свободный, мчится дальше к берегу.

На его пути встретился сухогрузный корабль. Ветер взлетел на палубу, лизнул острым языком обмотанные на кнехтах канаты, помчался к мостику капитана, нырнул через иллюминатор в каюту, разнес листочки записей, лежащих на навигационном столе, вылетел обратно, спустился вниз к бортику, взъерошил волосы на головах моряков. Но оторвать их взгляд своей шаловливостью не смог. Они его не замечали. Глаза мужчин смотрели на берег.

Тут ветер, обидевшись на людей, соскочил с палубы, пробежался по воде, всколыхнул утреннюю гладь рябью и первый встретил жен и подруг моряков, стоящих на пирсе. Шаловливо размотал на нарядных платьях женщин банты, шарфы, обнажил ноги, но его и здесь не замечали. Тогда мелким песком отомстил за равнодушие к себе: засыпал лакированные туфельки модниц. И, словно устыдившись своей навязчивости, вздохнул и притих, зарывшись в кроны зеленого массива морского берега.

Уснул...

* * *

Душа моряка, наполненная эгоизмом от одиночества, жаждет вечной и преданной любви. «Ждет ли она его?.. Нежностью или мечом дышит ее тело?..» Моряки, всматриваясь прищуренными глазами в берег, молчали. Но иногда саркастически смеялись, подшучивая друг над другом. Сальные шутки сейчас впору. Но все мысли тянулись к своей женщине. «Отдать швартовы!» Команда капитана — новый толчок взрыва в крови моряка. И уж подкрадывается чувство пустоты... Внезапная, откуда-то пришедшая незнакомкой, она властно вытягивает из тела силы. Как струны инструмента перед игрой, натянуты нервы. Такое состояние не раз ощущают влюбленные при длительных расставаниях. Видимо, сердце не выносит высокого полета восторженных встреч. Зыбкое ощущение первых шагов моряка по суше, из-за шквальных волн могущественного океана, похожи на шаги младенца. Ноги становятся на землю на ширину плеч, тело качается, как на качелях.

Но вот и земля! Ноги моряков прикрепились к твердой массе. Он, моряк, увидел ее и своих детей. Они улыбаются ему и бегут навстречу. Гимн восторга и ощущение родной земли поет Любовь! Каким же громаднымместилищем является сердце любви. Человек выживает на земле красотой. Женщина с древних времен была желанной. Древние племена в своих росписях изображали ее с шестью глазами. Два глаза рисовались впереди, два на затылке; по одному — с боков. Правой рукой она держала мешок с золотом, левой — обнаженный меч. Лучше одарить, чем уничтожить — говорит рисунок о разуме женщины. Она улыбалась. Чувство пустоты и холода сменилось теплом. «Дождались,— прошептал ветер в кронах деревьев.— Пора и мне лететь к своей звезде. Желанной».

Николай Василевский

(г. Минск, Белоруссия)

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Николай Василевский. Родился в Минске. Закончил Белорусский государственный университет по специальности «журналист». Работал по профессии. Писать стал рано. В 2007 году вступил в Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Есть ряд публикаций в периодических изданиях. Печатался в журнале «Западная Двина». Автор книг прозы «Вы принадлежите мне», «У любви — извилисты прямые», «Сага о козлах», «Солнечный чай», «Свет оставляют немногие», «Свист со вкусом апельсинки». Участник ряда коллективных сборников, альманахов, антологий.

НЕВЕСТА ДЛЯ ИВАНА-ДУРАЧКА

Узнал однажды Иван-царевич, что на болоте собирается много красивых девушек. И пошел он к болоту, и увидел то, о чем ему говорили. Десятки изумительной красоты девушек купались в небольшом озере в еще не затянутой илом воде. Как барс, стелясь по земле (странно, что так, — то на ней было много свежей и сухой травы) пополз наш Иван — царевич к выбранной жертве. Как сокол на зайца кинулся он на избранницу. С визгом и криком кинулись девушки-колдуньи врассыпную, но одной из них не повезло — она, отчаянно вырываясь, забилась в руках героя.

— Ты станешь моей женой,— гордо объявил Иван-царевич.

— Хорошо,— неожиданно согласилась красавица и поцеловала его в губы. В тот же миг он почувствовал, что с ним что-то происходит.

Через несколько минут он уже разглядывал свое отражение в воде. На него смотрела большая лягушка, а рядом его избранница. Лягушка в невесть откуда взявшейся фате.

— Я припасла ее специально для этого случая,— пояснила она ему. (А ведь в сказке все было совсем иначе! — с горечью подумал он).

— Так ведь сказки для того и пишутся,— как будто прочитав его мысли, сказала она.— Я специально подсунула через мышку-норушку, мою подругу, тебе этот Мужской журнальчик!

Иван-царевич удивленно посмотрел на нее.

— Пойдем, мой любимый, единственный и неповторимый,— прошептала нежно его избранница,— я познакомлю тебя со своими родителями.

Иван-царевич горестно квакнул и прыгнул вслед за ней — в болото.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

В одной стране, в одном краю жил да был парень, и звали его Иваном. Хороший был парень, но был у него один изъян- простоват и глуповат был. Мечтал о многом,

а работать не хотел. Смеялись все над ним, Иванка-дурачок звали! И обидно было парню просто до слез! И вот как-то одна из девушек в шутку сказала, ему: а сходил бы ты, Иван, на море и выловил золотую рыбку. Она, говорят, три желания исполнит! Сказала и забыла. Но не забыл Иван. Пришел он к морю и закинул сеть. Долго ждал, но наконец стал тащить сеть на берег. И... о, чудо, в сети бьется золотая рыбка! Обрадовался Иван схватил ее и говорит: вот так и так, если хочешь, чтобы я тебя отпустил, исполний три моих желания!

Посмотрела на него рыбка, и заговорила человеческим голосом:

— Закурить дай!

Ну коли только в этом дело, подумал Иван, так дам ей покурить.

Осмотрела она его с ног до головы и говорит:

— Согласна, только с одним условием, ты ведь мужчина, а я слабая девушка, выполнишь и ты моих три желания! Почесал голову Иван и согласился.

— Рассказывай о твоих желаниях! — потребовала рыбка.

— Хочу... — замялся Иван, — дом большой, а потом в доме красивую жену и детей, и чтобы в деревне меня называли не Иваном-дурнем, а Иван Ивановичем!

Будет исполнено, сказала рыбка и... превратилась в прекрасную деву, которая назвалась Екатериной. Взяла его за руку и повела в деревню. И вскоре построил Иван прекрасный дом, родились у них дети, и уже в селе стали уважать его, и стали называть Иван Ивановичем.

— Вот-вот видишь, — сказала по прошествии некоторого времени Екатерина, — исполнила твои все желания! Только почему-то в глазах ее играли веселые искорки!

А кто знает почему, тот великий молодец!

Татьяна Бурдыко
(г. Речица, Белоруссия)

РЕЧИЦА — ГОРОД, В КОТОРОМ Я ЖИВУ

Бурдыко (Шиленок) Татьяна Георгиевна родилась в семье военного. Детство прошло в Прибалтике, юность — на Сахалине. Училась в Гомеле. По профессии — инженер. Писать начала в зрелом возрасте. Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» с 2008 года. Печаталась в СМИ Беларуси и России.

Я — не коренная речичанка, хотя мои родители, белорусы в третьем поколении, родом из речицкого района. По воле судьбы я родилась в Калининграде и первые мои воспоминания о Речице связаны с 1959—1960 годами, сейчас уже точно не помню. Мне тогда было лет пять-шесть. Отцу — кадровому военному — дали отпуск и он привез нас всей семьей из Прибалтики в этот город, где жили его мама и сестры.

Помню небольшой, покрашенный известкой вокзал, наполненный звуками мелодий, доносящихся из громкоговорителя, и криками женщин-торгашек. Они не ходили, а, практически, бегали по перрону, предлагая приезжающим и проезжающим горячую картошку, обильно приправленную у кого — свежим, мелко нарезанным укропом, у кого — чесночком. Тут же предлагались малосольные огурчики — маленькие хрустящие, один вид которых нагонял аппетит. Но самым главным для нас — детей, во всей этой толчее и сутолоке, были тетеньки, продававшие молодую вареную кукурузу, которую они носили в кастрюлях, укутанных в пуховые платки, чтобы кукуруза дольше оставалась горячей. При каждом поднятии крышки из кастрюли распространялся до того вкусный запах, что мама, поддавшись на наши уговоры, позвала одну из торгашек. Подошла миловидная женщина. Тогда, в том далеком детстве, она мне показалась пожилой, хотя, как я теперь понимаю, ей навряд ли было больше 35—40 лет. Волосы женщины были покрыты простеньким, но чистым платком. Несколько завитков выбились из-под него и обрамляли полноватое лицо. Одета она была в светлую ситцевую кофточку и длинную просторную юбку. Но поверх этого простого наряда был повязан такой фартук, что я просто забыла зачем она подошла! На светлом фоне разноцветными нитками был вышит узор, каких я до этого не видела. Переpletение каких-то полевых цветочков, колосьев производило завораживающее действие, и я, открыв рот, стала рассматривать это великолепие. Но самым чудесным был петух, вышитый на переднике. Вот, уж, действительно шедевр! Он горделиво вскинул голову, готовый в любую минуту спрыгнуть на землю и отправиться гулять по вокзалу. Женщина увидела мое состояние, рассмеялась, открыла крышку на кастрюле и предложила мне угоститься кукурузой. Запах вывел меня из почти шокового состояния, и я заглянула в кастрюлю. Початки молодой кукурузы — горячие, желтенькие, с лопнувшей кожурой на бубочках — лежали, покрывая дно. Я взяла один из початков в руки и тут же почувствовала его обжигающее прикосновение. Стала

перекидывать кукурузу из одной руки в другую. Все засмеялись, и мама купила брату и сестре по кукурузному великолепию. Тут же предлагались соль или сахар, в зависимости от вкусов покупателей. Мы выбрали соль. Обжигая рот, вгрызались в кукурузную мякоть, посыпая солью и постоянно дуя на пальцы.

Встречали нас на вокзале родственники, которые приехали на мотоцикле с коляской. Меня, как самую маленькую, погрузили вместе с чемоданами в мотоцикл и мы поехали по пыльной дороге. Мотоцикл был не новый, в коляске ничего не было постелено, и каждый ухаб отдавался в моем не очень упитанном теле. Так началось мое знакомство с городом, в который я приехала в первый раз. Дорога от вокзала проходила мимо поля, засеянного рожью, и пожелтевшие колосья, качаясь под летним ветерком, переливались на солнце. Потом мы бегали играть на это поле в прятки и не раз были изгнаны оттуда объездчиком. Он ездил на коне с нагайкой в руке по дорожкам, проложенным по полю и, при каждом удобном случае, угрожающе вскидывал руку и грозил в нашу сторону. И тогда уж бежали мы как только могли быстро...

Теперь на этом месте большущий микрорайон «Нефтяник» с детскими садами, школами, магазинами, педколледж...

Много прошло времени с тех пор, жизнь забрасывала в разные места, но судьба распорядилась так, что я вернулась на родину предков и живу в доме, который стоит на месте того самого поля...

